

УГРО-РУССКАЯ ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

„УНІО“ – ГЕОРГІЙ МИРАВЧИКЪ

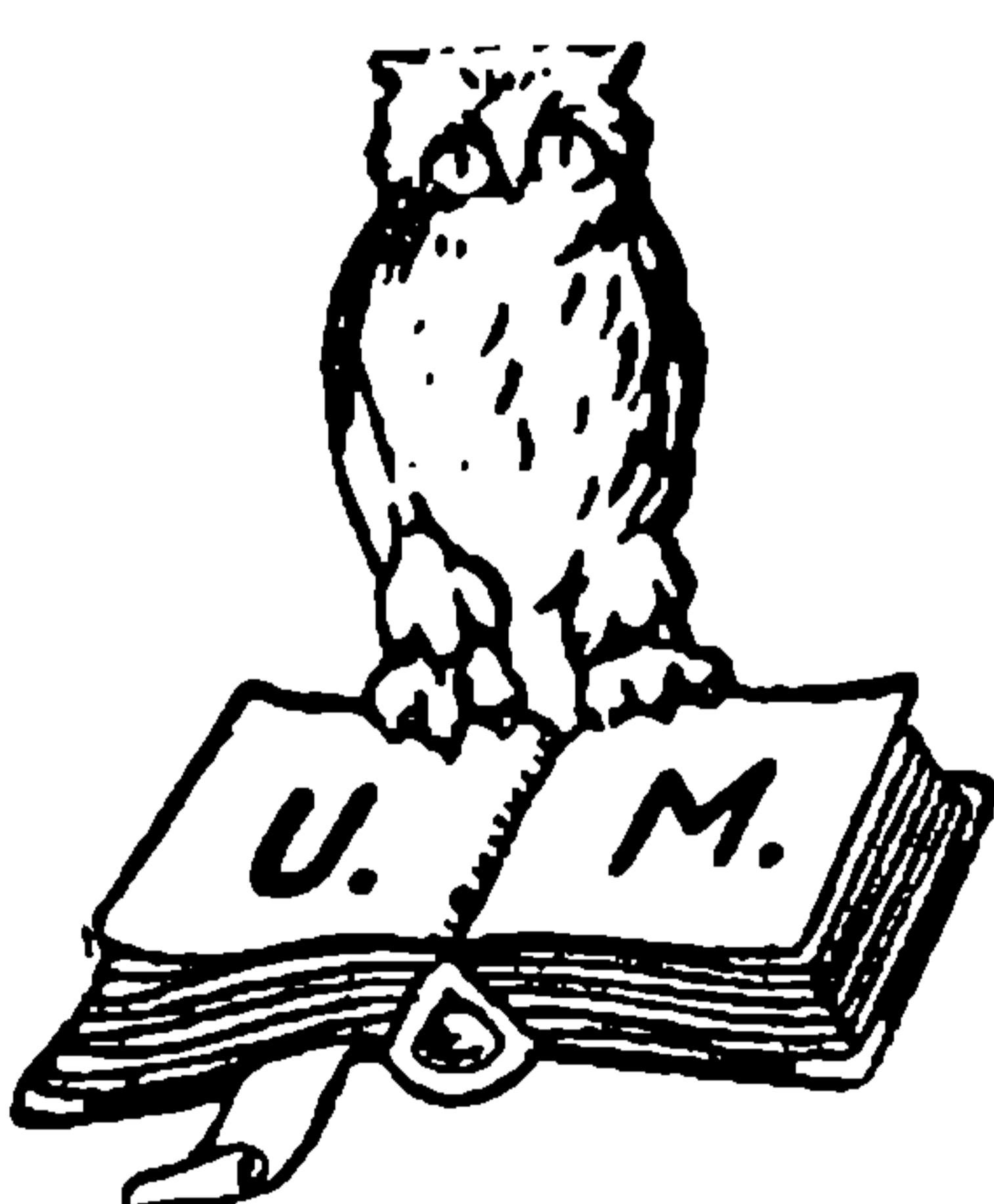
№ 3.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНИЯ

АЛЕКСАНДРА А.

МИТРАКА

СТИХИ И ПРОЗА.

УНГВАРЪ – УЖГОРОДЪ

1942.

УГРО-РУССКАЯ ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

„УНІО“ – ГЕОРГІЙ МИРАВЧИКЪ

№ 3.

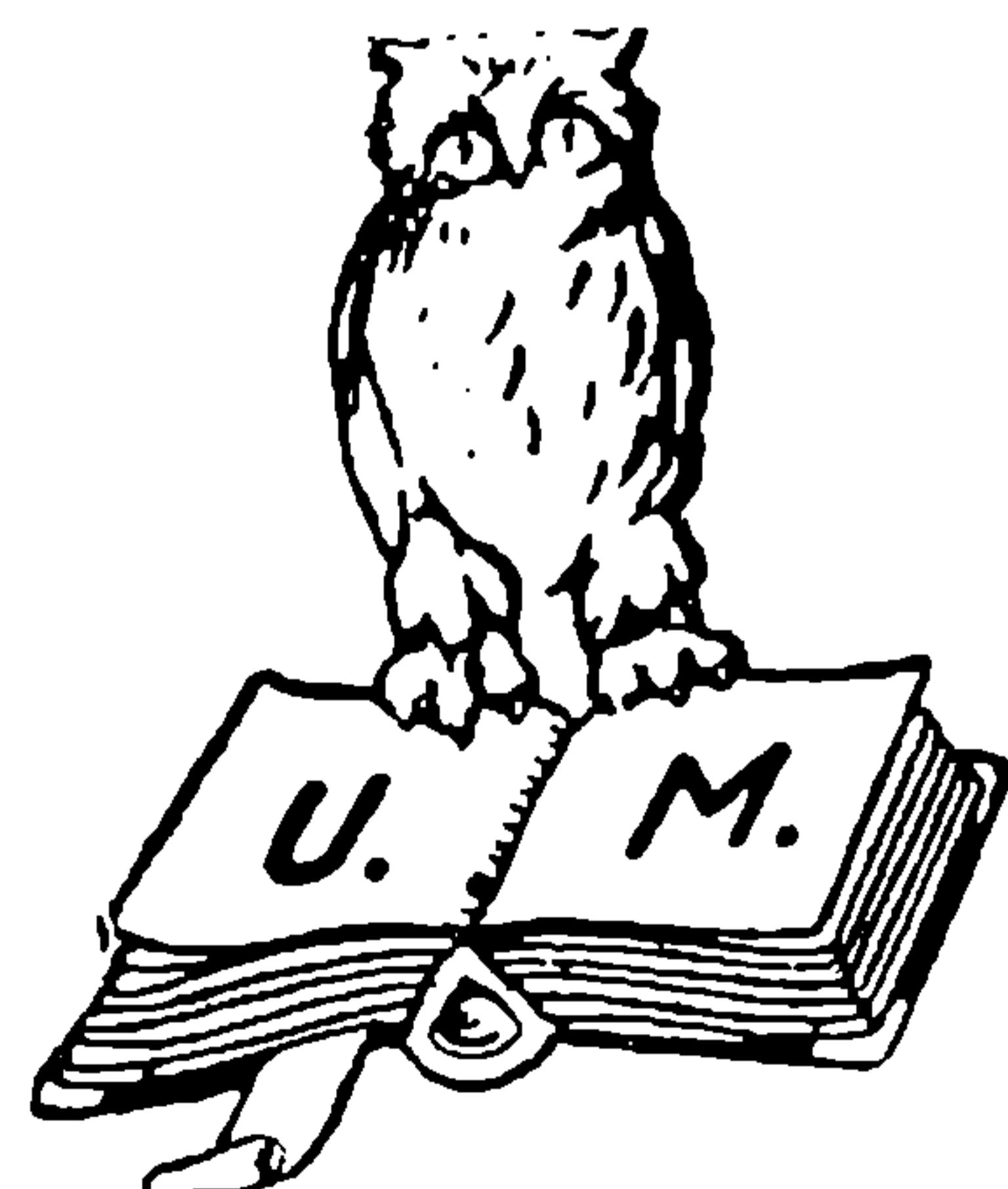
ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНИЯ

АЛЕКСАНДРА А.

МИТРАКА

СТИХИ И ПРОЗА.

о. гм. бундакъ

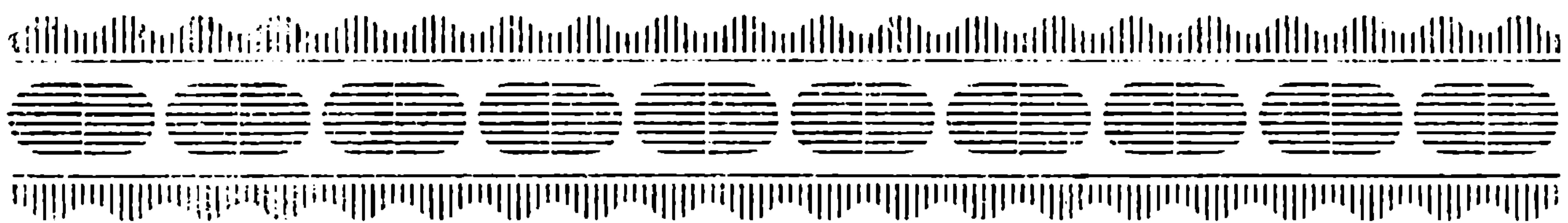

УНГВАРЪ – УЖГОРОДЪ
1942.

За изданіе отвѣчаетъ:
Георгій Миравчикъ.

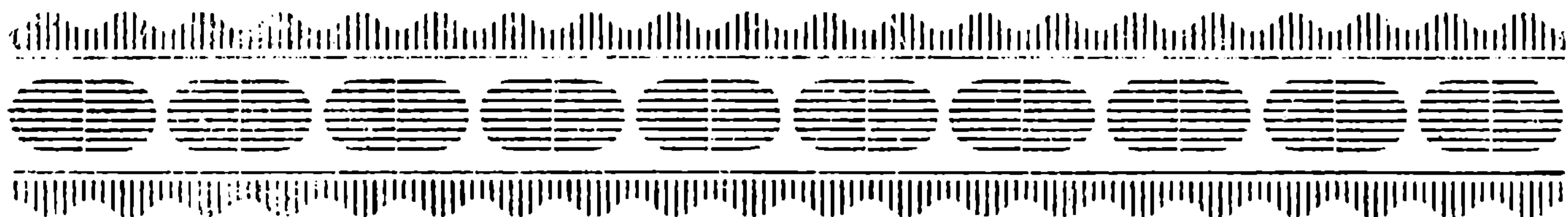

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ МИТРАКЪ.

АЛЕКСАНДРЪ А. МИТРАКЪ

„И вотъ на этой нашей нивѣ, столь бѣдной зреѣмыми плодами, появился необыкновенный пахарь, который годами упорно и кропотливо воздѣлывалъ худую почву и добился того, что она дала зреѣый, цѣнныій плодъ... Митракъ не проводилъ время въ сочинительствѣ патріотическихъ стишкахъ, а незамѣтно и безъ шуму ходилъ изъ села въ село, изъ хижи въ хижу и съ любовію собирая то, чѣмъ богать нашъ бедольный Русинъ: его рѣчъ, пѣсни, сказки, обычаи, вѣрованія и т. п. Поль столѣтія копили драгоцѣнныій матерьялъ и изъ него поставилъ себѣ памятникъ прочный — монументальный Русско-мадьярскій и Мадьярско-русскій словарь, насчитывающій 1700 страницъ большого формата въ три столбца. Словарь, который является „цѣннѣйшимъ вкладомъ въ русскую науку вообще“ (слова Сабова). Да, здѣсь ужъ есть чѣмъ похвалиться. Это вамъ не патріотическія рифмы... Но наряду съ серьозной научной работой, характеризующей личность Митрака, у него встрѣчаемъ и другую особенность, отличающую его отъ многихъ земляковъ. Это — способность живо и реально описывать дѣйствительную жизнь. Онъ не фантазируетъ, не создаетъ романтическихъ образовъ, не сентиментальничаетъ. Митракъ — писатель реалистъ; его лирика соціальна“ — такую общую характеристику А. А.

АЛЕКСАНДРЪ А. МИТРАКЪ

,И вотъ на этой нашей нивѣ, столь бѣдной зреѣмыми плодами, появился необыкновенный пахарь, который годами упорно и кропотливо воздѣлывалъ худую почву и добился того, что она дала зреѣый, цѣнныій плодъ... Митракъ не проводилъ время въ сочинительствѣ патріотическихъ стишковъ, а незамѣтно и безъ шуму ходилъ изъ села въ село, изъ хижи въ хижу и съ любовію собирая то, чѣмъ богать нашъ бездольный Русинъ: его рѣчъ, пѣсни, сказки, обычаи, вѣрованія и т. п. Поль столѣтія копилъ драгоцѣнныій матерьяль и изъ него поставилъ себѣ памятникъ прочный — монументальный Русско-мадьярскій и Мадьярско-русскій словарь, насчитывающій 1700 страницъ большого формата въ три столбца. Словарь, который является „цѣннѣйшимъ вкладомъ въ русскую науку вообще“ (слова Сабова). Да, здѣсь ужъ есть чѣмъ похвалиться. Это вамъ не патріотическая рифмы... Но наряду съ серьозной научной работой, характеризующей личность Митрака, у него встрѣчаемъ и другую особенность, отличающую его отъ многихъ земляковъ. Это — способность живо и реально описывать дѣйствительную жизнь. Онъ не фантазируетъ, не создаетъ романтическихъ образовъ, не сентиментальничаетъ. Митракъ — писатель реалистъ; его лирика соціальна“ — такую общую характеристику А. А.

Митрака даетъ внимательный изслѣдователь его творчества Петръ Линтуръ, впервые давшій намъ полный образъ писателя народолюбца съ его „душевной драмой“, которая одновременно является и драмой угро-русской интеллигенціи.

Александръ Андреевичъ Митракъ родился въ селѣ Плоское, Бережской жупы, въ 1837 году въ семье русскаго священника. Въ 1847 г. онъ поступилъ въ гимназію въ Ужгородъ, прошелъ въ ней всѣ шесть классовъ, имѣвшіеся тогда, а „философію“ (VII и VIII классы) закончилъ въ Сатмарѣ. Затѣмъ онъ проходитъ курсъ богословскаго лицея въ Ужгородѣ и съ 1862 года послѣдовательно занимаетъ священническія должности въ Ильницѣ и Вел. Лучкахъ въ качествѣ сотрудника, въ Ясеновой и Кленовой, какъ администраторъ, а затѣмъ и благочинный Занастасскаго округа и, наконецъ, приходскаго священника въ Ворочевѣ. Въ 1900 г. М. уходитъ въ отставку, проживаетъ сначала въ Ужгородѣ, а съ 1905 г. и до смерти въ 1913 г. — въ Росвиговѣ.

Какъ справедливо замѣчаетъ П. Линтуръ, молодые студенческіе годы М. прошли въ періодъ увлеченія либеральными идеями, связанными съ 1848 годомъ; правда, для Венгрии эти идеи не сразу осуществились, но „духъ Кошути“ продолжалъ жить и утверждаться, и этотъ духъ, увлекшій М., онъ затѣмъ перенесъ на свой русскій народъ. Сначала увлеченый „чужими предразсужденіями“, поэтъ и писатель вскорѣ началъ осуществлять по отношенію къ родному народу программу эпохи возрожденія и призываетъ другихъ къ народному подвигу — „всесильною любовію найти спасенія средства“: „Любите нашъ народъ русскій, хоть онъ бѣдный и убогій“, — „хоть онъ и во тьмѣ душевной“ — „хоть

онъ въ простотѣ смиренno протекъ лѣта прошедшія безъ дѣлъ великихъ, безславно”.

Вся жизнь М. представляется, какъ хожденіе въ народъ, но не съ эгоистической цѣлью записать, взять отъ него перлы творчества, но чтобы помочь ему. Общеніе съ народной душой открыло М. ту пропасть, которая существовала между Иваномъ и паномъ, между попомъ и прихожаниномъ, между народной массой и тѣми, которые „колачъ пріобрѣли“.

Стихи М. не знаютъ виѣшней поэтической красоты, красивыхъ словъ, пытающихся скрыть дѣйствительность, покрыть туманомъ открывшуюся передъ нимъ пропасть между Иваномъ и паномъ. Правда — не нуждается въ украшеніяхъ и правду, во всей ея дѣйствительной неприглядности и рассказалъ М. въ своихъ немногочисленныхъ, исполненныхъ горечи и злой, порой жестоко бичующей ироніи — стихахъ. И отъ этой неприглядной правды наша взмолнованная душа приходитъ къ пониманію высшей красоты народного подвига. Въ стихахъ М. бичуетъ тѣхъ, кто пишетъ „статечки“ — „о жизни народной“ — „при сытости полной“, а самъ ничего не дѣлаетъ, чтобы дѣти не ходили бoso „про нашу недбалость“ („Мы убоги“).

Въ стихахъ „Добрѣ тому богатому“ и „Хмарно, темно“ М. высказываетъ мысль, что простой — неученый — народъ никогда не увидитъ солнца, если тьму его не озарять лучами просвѣщенія: только просвѣщеніе даетъ народу силу и сознаніе права на жизнь въ полномъ значеніи сего слова, а не только на существованіе. На идеологію стиховъ Митрака оказала вліяніе такъ наз. „гражданская поэзія“, въ частности Петэфи и Некрасовъ. Стихи его — бичующая лирика съ явно выраженнымъ

соціальнимъ мотивомъ. Стиль его простъ и кратокъ, какъ въ народной п'еснѣ.

Однако, не какъ поэтъ, но какъ прозаикъ составилъ себѣ заслуженное имя М. Проза его — отчасти публицистика (чаще всего въ видѣ „корреспонденцій“ — „изъ Ужанскаго комитета“), отчасти описанія, но главнымъ образомъ статьи этнографического характера.

„Путевыя впечатлѣнія на Верховинѣ“ и „Отъ Зняцькихъ мостовъ“ — это описанія путешествий по родному краю. Какъ не восхищаетъ М. природа горъ и долинъ, однако и она не въ силахъ отвлечь мысль писателя отъ доли родного народа, отъ жизненной заботы, отъ лицезрѣнія соціальной бѣдности, которая накладываетъ свой отпечатокъ даже на лица дѣтей. Митракъ въ этихъ статьяхъ сочетаетъ точность описанія красотъ природы, быта и обычаевъ народныхъ съ лирическими отступленіями, выражавшими его печали, стремленія и идеалы. И все это вмѣстѣ даетъ обильный материалъ и этнографу, и соціологу и экономисту.

Въ „Корреспонденціяхъ“ М. ставить главнымъ образомъ вопросы сословного равенства и справедливости, при чёмъ, какъ мы говорили, не стыдится сказать правду въ глаза, хотя, какъ известно — „правда очи коле“. Не удивительно, что газета „Карпать“ возмутилась такой прямолинейностью М. признала въ его статьяхъ „оскорблениe всего угрорусского народа патріотического чувства“.

Какъ этнографъ М. бывъ сотрудникъ при собирания и публикаціи „Народныхъ п'есень Галицкой и Угорской Руси“ Я. Ф. Головацкаго („Живая Старина“, Кіевъ, 1891, кн. III и IV) и даль ряда очерковъ относительно быта и обычаевъ угрорусского народа, напечатанныхъ въ „Листкѣ“ („Какъ ис-

полняеть свои весеннія работы угро-русскій народъ“, „Жнива у угро-руссовъ“, „Сѣнокосъ у угро-руссовъ“, „Домики или избы угро-русскихъ крестьянъ“, „Домашній бытъ угро-русскихъ крестьянъ“, и т. д.) и мѣсяцословахъ („Русскій народъ“, 1866 г.) Часть пѣсенъ была опубликована также Легоцкимъ въ его „Magyar-orosz népdalok“.

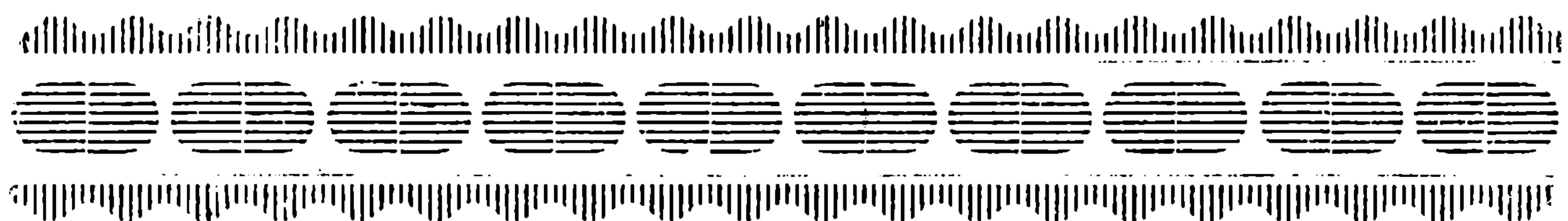
Важнѣйшей научной заслугой М. является составленіе словарей мадьярского и русского языковъ. Практическая потребность въ нихъ чувствовалась уже давно. Замѣна латинского языка въ дѣлопроизводствѣ на мадьярскій уже сама по себѣ требовала извѣстного руководства. Кроме того, проходя мадьярскія среднія и высшія школы, а затѣмъ приходя къ дѣятельности въ средѣ простонародья, угро-русская интеллигенція (священники, учителя, чиновники) практикой жизни были принуждены имѣть соотвѣтствіе между мадьярскимъ и роднымъ языкомъ народа. Къ составленію такого руководства и приступилъ М. Въ 1871 г. „Русско-Мадьярскій Словарь“ былъ уже готовъ, содержалъ онъ 854 стр. убористаго текста (около 30.000 словъ). Сначала его хотѣло напечатать Общество св. Василія Великаго, но затѣмъ у него не оказалось къ тому средствъ. Тогда М. самъ приступилъ къ публикаціи, и въ 1881 г. „Словарь“ вышелъ изъ печати. Одновременно М. составилъ и „Мадьярско-Русскій Словарь“, еще болѣе обширный (1200 стр.), однако, эта его работа вышла только въ 1929 г. въ изданіи „Уніо“. Помимо практической полезности словарей М., они и въ научномъ отношеніи являются и понынѣ непревзойденными. Митракъ въ своемъ словарѣ даетъ не только соотвѣтствіе между русскимъ и мадьярскимъ литературными языками, но параллельно приводить и слова мѣстнаго обихода, въ чемъ ему помогали И. И. Раковскій

и А. И. Сильвай Между прочимъ М. даль и удачную характеристику отличія угро-русскаго языка: „языкъ великорусскій не такъ въ письмѣ, якъ выговоромъ различается отъ нашего“, малоруссы же — „говорять съ нами майже совсѣмъ единымъ языкомъ, но въ письмѣ употребляютъ иную, различную отъ нашей правопись... зато ихъ книги намъ трудно читати“.

Немалое значеніе словари М. сыграли въ установлениі и развитіи нашей письменности и благодарный народъ въ ознаменованіе столѣтія со дня рожденія М. воздвигъ ему въ Мукачевѣ памятникъ.*)

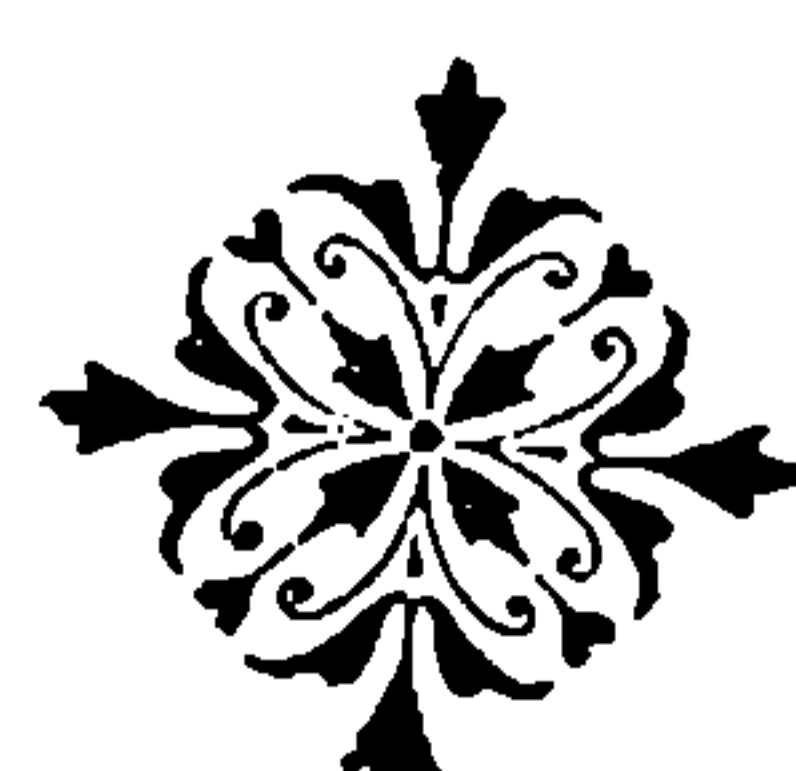
*) А. А. Митракъ въ стихахъ пользовался псевдонимомъ „Материнъ“; корреспонденціи и статьи подписаны или полнымы именемъ или инициалами „А. М.“ или оставлены вообще безъ подписи, особенно послѣ конфликта съ газетой „Карпатъ“.

На смерть Андрея Медвецкаго.

О, Андрею милый,
Солодкій мой друже;
То тебе вже, брате,
Невидѣти больше!
Смерть жестока, лиха,
Косарь якъ весною,
Подкосила цвѣтъ нашъ
Нещадной рукою.
И хоть тѣло скрыла
Чужая землица:
И тамъ скорый твой гробъ
Росила слезица.
Тамъ то скрыто сердце,
Что народъ любило;
Долю намъ — спасенье
У Бога молило.
О, люби нашъ народъ
— Въ загробной той жизни;
Якъ и мы тя любимъ
Хоть ты ужъ не съ нами.

(М., 1866, стр. 71.)

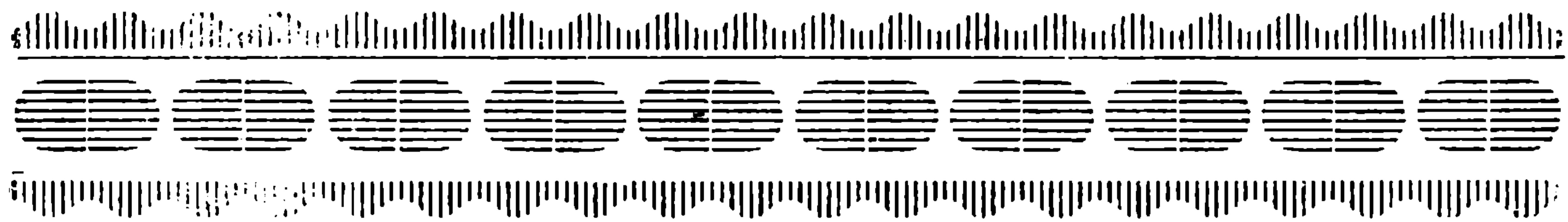
12

На Верховинѣ.

Горы наши, горы,
Наши бѣдны горы !
На васъ я печально
Устремляю взоры.
Что за дивна сила
Васъ тутъ наметала,
Лучъ теленъкій солнца,
У земли украла !
Таите ли въ нѣдрахъ
Золотую долю,
Иль готовите намъ
Вѣчную недолю ?

(„Свѣтъ“, 1867, № 12)

Путевыея впечатлѣнія на Верховинѣ.

Верховиною обыкновенно назыаютъ у насть тѣ гористыя части ужанскаго, бережскаго и мараморошскаго комитатовъ, которыя — своимъ болѣе холднымъ климатомъ, убогою, густо-гористою землею, особымъ говоромъ и одѣяніемъ своихъ жителей, — отличаются отъ прочихъ, хотя также гористыхъ мѣстностей нашей съверовосточнай Угроїшины. И на самомъ дѣлѣ! Верховина — отдѣльный, особый край: тамъ уже не созрѣть кукуруза, столь любимое растеніе нашего народа, только овесь и овесь повсюду; хижины не бѣлены, изъ смерекового дерева; хлопы сорочки свои не на переди, но на зади связываютъ; словомъ повсюду особыя, отличительныя черты на лицѣ и человѣка и природы.

Дорога отъ Поляны черезъ гору „Роздѣли“, за которую и начинается уже Верховина, довольно скучна; съ одной стороны гора покрыта буковымъ лѣсомъ — съ другой въ глубинѣ горный потокъ, и опять гора съ непроницаемыми солнечными лучами лѣсомъ. Сею то дорогою пришли Мадьяры въ 9-омъ столѣтїи, которую, по преданію Anonimi Belae regis notarii должны были прочистити имъ russkie Галичане. Скучное однообразіе дороги выше Пудполозя прекратилось и очамъ моимъ представился видъ совершенно для меня новый: горы вмѣсто хмураваго

лѣса покрыты были свѣжею зеленою травы, овса и другихъ посѣвовъ. Окрестность стала веселѣе, просторнѣе. — День уже къ вечеру клонился, когда мы въѣхали въ верховинское мѣстечко Верещки, наполненное торговымъ жидовскимъ племенемъ. На другой день утромъ я воспользовался предложенными мнѣ случаемъ, чтобы разсмотрѣти ближайшую окрестность. День былъ ясный, воздухъ утренне-свѣжій, и съ горы „Мончель“ въ восторгѣ любовался прекраснымъ видомъ то тутъ то тамъ козышающихся полонинъ, сихъ горъ — исполиновъ, господствующихъ своими обнаженными отъ лѣса вершинами надъ прочими горами. На одной изъ полонинъ я замѣтилъ что-то бѣлое и на вопросъ мой: что тамъ бѣлѣется? спутникъ мой отвѣчалъ, что то бѣлая глина, то есть... снѣгъ. И то было 3-го юлія! На возвратномъ пути мы собирали по дорогѣ драгомѣты, между которыми мы нашли нѣсколько очень красивыхъ и совершенно правильной формы. Удивляясь ихъ правильности, мы пыталися открыти спосѣбъ ихъ образованія; но всѣ соображенія и догадки наши, какъ не посвященныхъ въ тайны природы, неудавались. Видя неудачу нашихъ ученыхъ изслѣдований, я прибѣгъ къ помощи поэзіи и подумалъ себѣ: не окаменѣлъ ли это слезы нашего народа, столько вѣковъ страдавшаго и наплакавшагося не мало!

Потомъ я отправился въ близкое селеніе Быстрое, чтобы оттуду взобраться на полонину, на которой быти я такъ давно желалъ. — Идя пѣшкомъ, я пустился въ разговоръ съ двумя мальчиками, которые, окончивъ свою повинную работу при починкѣ дороги, возвращались домой. — Одному могло быти 12 лѣтъ отъ роду, другому 10. — Не смотря на дѣтскіе годы ихъ, — житейская забота, бѣдная жизнь

— такъ печально розвили ихъ, что они горорили будто взрослыє. Вопрошаю ихъ, какъ они поживають? — „Тѣсно, паночку: не є хлѣба“, — былъ смутный ихъ отвѣтъ. Якъ же помогаете себѣ, откуда достаете хлѣба? „Жиды помогаютъ намъ, они даютъ намъ на хлѣбъ“. Вотъ единственныє благотворители на Верховинѣ. И что за хорошиє благотворители они! Отъ благотворительности ихъ народъ повсюду бѣднѣеть, а они множатся и богатѣютъ.

Въ Быстромъ, взявъ съ собою проводника, мы утромъ пустились въ дорогу, которая, то полями, то лѣсами, все выше и выше вела нась. — Повсюду такъ пусто, такъ тихо, безлюдно. Лишь иногда смутный голосъ пастушеской свирѣли долетаетъ до нась и скоро прекращается: спустя немногого времени, опять одинъ и тотъ же печальный верховинскій напѣвъ жалобно разносится по верхамъ и долинамъ и скоро замираетъ. Смутный пустынныј край!

По мѣрѣ того, какъ мы все выше и выше шли, буковый лѣсъ постепенно малѣлъ, и, наконецъ, совсѣмъ прекратился, и только по мѣстамъ виднѣлися ничтожные, кривые кусты смереки или яловника. Огь утомительной дороги и солнечнаго жара почувствовавъ въ себѣ сильную жажду, нашъ проводникъ повелъ нась къ источнику воды для утоленія жажды. Тутъ вода съ такою силою и въ такомъ изобилиї вырывается изъ скаль, что сейчасъ образуетъ собою цѣлый потокъ, воды коего съ оглушительнымъ шумомъ пробираясь промежъ громадные камни, быстро текутъ въ долину. Утоливъ жажду студеною, какъ ледъ, водою, мы бодрѣ и свѣжѣ ступали вверхъ. — Вотъ уже и скалистый хребетъ, „гусли“ передъ нами и верхняя точка ея — „пикуль“ висить надъ нами; — вотъ тамъ и стадо воловъ пасется, бродя въ высокой по колѣни травѣ, скоро нарощей

послѣ недавняго растаянія снѣговъ; вотъ и невиданые мною полонинскіе цвѣты. Я рвалъ ихъ и бросалъ, чтобы легче взобрatisя на верхъ и оттуду широко, далеко взирати на Божій міръ. Наконецъ мы и на верху, на которомъ едва можно помѣститися 5-6 людямъ, и я съ жадностью обращаю мои взоры то въ сію, то въ ту сторону, желая разомъ обозрѣти всю окрестность. — Я всегда любилъ лѣзти на высокія горы и съ вершины ихъ восхищатися видомъ отдѣленныхъ мѣсть; но на полонинѣ я еще никогда не бывалъ. Какъ высоко, надъ горами, стсю я теперь и далес, далеко вижу. Какъ жаль, что человѣкъ на Верховинѣ принужденъ укрыватися отъ вихровъ и мятелей въ узенькія долины, откуду такъ узокъ и ограниченъ кругозоръ его. А тутъ на вершинѣ какой просторъ, какая ширина для взора. Но какъ далеко видѣть отсюду око человѣка, повсюду лишь горы и горы волнуются. Я стоялъ на самой границѣ и обращалъ взоръ мой то на угорскую, тс на галицкую сторону. И тутъ и тамъ мертвая тишина среди горъ, будто въ сихъ горбахъ нашего народа погребена и его доля.

Удовлетворивши моему давному желанію по-бытіемъ на полонинѣ, я отправился на дальнюю дорогу, въ Мараморошъ. Но къ немалой досадѣ моей, въ Гукливомъ, въ пограничномъ селѣ берегскаго комитата, такій сильный дождь лился 4 дня и ночи, что никакъ не было возможно продолжати путь въ семъ гористомъ бездорожномъ краѣ, гдѣ при большомъ дождѣ вода быстро стекаетъ съ горъ и наводняетъ всѣ долины и проходы своими мутными волнами. Чтобы заняться чѣмъ то полезнымъ, я слушалъ разсказы объ обычаяхъ тутешняго народа, о его повѣряхъ и суевѣряхъ, о его житьѣ, о сурої природѣ здѣшней — о томъ, какъ весною

въ вершинѣ полонины солнечными лучами нагрѣтый снѣгъ отрывается отъ земли малою грудою и, забирая съ собою на пути снѣгъ и камни, съ страшною силою и громомъ низвергается въ долину и заваливаетъ собою и людей, и скотовъ и что ни попало. Между тѣмъ дождь — непрестанно, какъ изъ ведра лился; стало холодно такъ, что мы 10го юля въ комнатѣ зябли. Все предвѣщало что-то недоброе... Наразъ разнеслась и тутъ давно неслыханная вѣсть, что многіе люди, шедшіе домой изъ свалевскаго ярмарка, замерзли на полонинѣ... Поразительная сія вѣсть скоро подтвердила смутною дѣйствительностью.

Наконецъ, послѣ четырехдневнаго дождя благодатное солнце проглянуло и надеждою возможности дальнѣго путешествія оживило душу мою. Мы съ другомъ моимъ Н. верхами отправились въ Мараморощъ. — Изъ высокой горы, отдѣляющей Мараморощъ отъ Берегскаго комитата, очамъ моимъ открылся опять новый видъ: я увидѣлъ Мараморощъ, сей особый край, наполненный весь горами, надъ которыми тутъ и тамъ возвышаются полонины, местами еще снѣгомъ покрытыя, а въ узенькихъ долинахъ разметанныя хижины верховинскихъ сель. Въ долинѣ, стѣсненной горами, пробирается по скаламъ и камнямъ потокъ или маленькая рѣчка, которая часто служить путемъ и улицею, по берегамъ въ живописномъ безпорядкѣ раскиданныя сѣренъкія хижины съ крыльцами, часты ворота, перелазы, безлюдность, тишина — вотъ верховинское село. А что за дороги тутъ! Или потокомъ иди, или, если которая рѣченъка благоизволила уступити тебѣ часть своего каменистаго дна, то по ея гладенькой мостовой препріятно можешъ прогуливаться. По такимъ то дорогамъ ѿхали мы верхами черезъ Подо-

бовецъ, Пилипецъ, гдѣ умеръ и погребенъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ народныхъ дѣятелей Мустяновичъ, черезъ Иски до Буковца. — Повсюду только камни, нагія горы, бѣдная растительность встрѣчали нась. Лѣса на мараморошской Верховинѣ дуже мало; земля самая убогая, такъ что и овесъ, сей единственный хлѣбъ верховинцевъ, въ лучшій урожайный годъ лишь одинъ колось даєтъ; нѣть никакихъ заработковъ, только скотоводство даєтъ еще нѣкоторыя средства къ жизни.

Самая большая бѣда на Верховинѣ — недостатокъ путей сообщенія; возоваго пути тутъ майже нѣть, и лишь верхомъ на маленькихъ коникахъ доставляютъ себѣ жители къ пропитанію нужныя средства. Одинъ мадьярскій писатель, описуя мараморошскую Верховину, назвалъ ее Ирландіею Угорщины. — Если подъ Ирландіею разумѣютъ бѣдный, забытый край, скудныя силы коего извлекаются для чужихъ выгода, но о которомъ никто не заботится: то Верховина одна изъ самыхъ бѣднѣйшихъ Ирландій на свѣтѣ.

Пробывъ полтора сутокъ въ Буковцѣ и Искахъ, я отправился съ соборнымъ благочиннымъ и его письмоводителемъ въ состоініе селеніе Тюшка.

Тюшка, Тюшка, что за смутное, печальное мѣсто! Никогда не видалъ я такого смутнаго мѣста. Кругомъ пустыя горы; въ узенькой долинѣ бѣдныя дымомъ закуренныя хижины; убогій деревянный храмъ Божій; пустынность, мертвленность.

Опечаленный смутными впечатлѣніями, произведенными во мнѣ бѣднымъ видомъ Верховины, я избралъ болѣе простую и короткую дорогу, чтобы чѣмъ скорѣе оставить сей бѣдный край. Дорога моя шла черезъ гору Прислонъ, черезъ которую я верхомъ переправился. Съ вершины ея я любовался

прекрасною панорамою мараморошскихъ горъ, но опять пожалѣлъ о томъ, что люди тутъ не строятъ свои жилища на горахъ, но въ узенькихъ долинахъ, откуда такъ ограниченъ ихъ кругозоръ. Спускаясь съ крутой горы, чтобы не упасти въ бездну пропасти, долженъ быть слѣсти съ коня. На горѣ я повсюду встречался съ грозными, мрачными лицами верховинцевъ, возвращавшихся изъ бѣлецкаго сбера (ярмарка). Вообще въ лицѣ мараморошского русскаго человѣка замѣтно больше гордости, самоувѣренности, и вовсе нѣтъ той унизительной покорности и низко-поклонства, которыя такъ прискорбно отличаютъ прочихъ нашихъ верховинцевъ. — Послѣ 5-ти часоваго труднаго, утомительного перехода черезъ Прислопъ, я, наконецъ, съ радостю увидѣлъ, что тутъ уже конецъ Верховинѣ. — Въ теплой долинѣ растеть мелай, фасоля, жито уже дозрѣвало; — въ лѣсѣ — букъ, береза и другія лиственныя деревья замѣнили печальную верховинскую смереку. Видъ здѣшней природы, напоминая мнѣ мѣсто моего рожденія, такъ отрадно подѣйствовалъ на меня, что я почувствовалъ себя будто дома.

Желая еще и другую лучшую, часть Марамороша посмотреть, я отправился черезъ Кушницу, Долгое — въ Изу, гдѣ существуетъ извѣстный намъ писатель, положившій начало нашему новому многонадежному литературному движенію. — Послѣ двухъ недѣльнаго странствованія по Верховинѣ, мнѣ приятно было увидѣти лучшую, болѣе урожайную землю. — Горы постепенно малѣютъ и, наконецъ, при селѣ Липша открывается прекрасная обширная долина, орошаемая большими рѣками. Изъ Изы, благодаря благосклонности гостепріимнаго хозяина мы отправились посмотреть Вышковскую купель, прекрасно устроенную на довольно высокой горѣ,

съ которой я восхищался прелестнымъ видомъ мара-
морошской долины, посреди которой вьется величе-
ственная Тиса и виднѣется прѣкрасная хустянская
гора съ развалинами замка.

На возвратномъ пути изъ Марамороша я удо-
творилъ моему давному сильному желанію — уви-
дѣти Великую Копаню и на дѣлѣ узрѣти плоды
безпримѣрной у насть пастырской дѣятельности мѣ-
стнаго священника о. Андрея Поповича, посвятив-
шаго всю жизнь свою просвѣщенію народа. Дѣтей
уже не было въ школѣ и такъ я только училишныи
домъ могъ посмотретьъ. Стѣны школы, какъ также
и комнаты учителя, вымалеваны; въ школѣ есть
глобусъ, землевиды, стѣнныя таблицы, сажень, и
другія средства, нужные для практическаго обученія
дѣтей первоначальнымъ свѣдѣніямъ. Лѣтомъ дѣти
къ 5-омъ часу утромъ приходятъ въ школу, чтобы
такимъ образомъ могли помогати родителямъ своимъ
при полевыхъ работахъ и не задерживались ими
отъ ученія. — Но самое большее удовольствіе и
радость испыталъ я въ церкви на утрени и литургіи.
Ничего подобнаго не видѣлъ и не слышалъ я ни-
когда въ русской церкви. Се истинно каѳолическая,
соборная церковь, живый храмъ Бога живаго, въ
которомъ едиными усты и единствомъ серцемъ слав-
ится и воспѣвается пречестное и великолѣпное имя
Отца, и Сына и Св. Духа. — Всѣ дѣвушки и парни
приходили въ церковь съ книгами Великій Сбор-
никъ, взданною мѣстнымъ священникомъ и рас-
купленною въ его приходѣ въ 150 экз

Д(ъ)якъ только началъ первое слово пѣсни, и вся
церковь дружно подхватила и продолжала прекрасно,
созвучно-умилительно, на всей утрени отъ начала
до конца. Проведши пріятно время въ поучительной
бесѣдѣ съ достопочтеннымъ священникомъ, и по-

сѣтивъ еще Имстичевскій монастырь, я отправился домой съ пріятнымъ и благодарнымъ воспоминаніемъ о томъ радушномъ пріемѣ, который я повсюду встрѣчалъ въ короткомъ моемъ путешествіи по Верховинѣ.

(„Свѣтъ“ 1867, №№ 13, 14, 15, 16.)

Домашній быть угро-русскаго крестьянина.

Домашній быть нашихъ крестьянъ никакъ нельзя назвати роскошнымъ; они съ дѣтства привыкли боротися съ недостатками, и уже перебаривають они всѣ недостатки и лишенія съ самоотверженіемъ и встрѣчаютъ всякия невзгоды, несчастія, бѣдствія, даже самую смерть — съ невозмутимымъ спокойствiemъ и неустрашимымъ геройствомъ. Угро-руssкія дѣти рождаются, обыкновенно, здоровыми, крѣпкими и необыкновенно красивыми: но что, когда они уже въ колыбели принуждены встрѣчатися съ бѣдствиемъ, когда прежде всяко иного привѣтствія — улыбается имъ ницета! — Родители по причинѣ ницеты и особенно по причинѣ того, что всегда заняты посторонними трудами, не много вниманія обращаютъ своимъ дѣтямъ. Дѣти не имѣютъ приличной одежды, даже приличныхъ пеленъ, — повиваются въ грубая рубища, стискаются веревочкой, куплются недостаточно часто, — мать кормится худою пищею, следовательно плекаетъ дитя или худымъ молокомъ или не имѣеть достаточно молока. Изъ всего этого выходитъ, что въ часъ рожденія прекрасный младенецъ уже въ двухлѣтнемъ возрастѣ дѣлается тощимъ, исхудалымъ, блѣднымъ, нездоровымъ. Отъ того вре-

мени дитя принуждено їсти саму худу пищу: картофель, „чиръ“ (пища, приготовленная изъ кукурузной муки и воды — рѣдкая), сухую фасоль, — по большей части недостаетъ даже молока, — мяса никогда и не видить дитя, — часто случается, что нѣть даже соли, — разумѣется, что при такомъ обиходѣ физическія силы не могутъ развиваться. Къ сему нужно прибавити, что родители дитя часто оставляютъ дома безъ прирѣння, а сами идутъ въ поле на работу; часто берутъ дитя съ собой, и оно въ полѣ принуждено переносити зной и стужу, аходить оно бѣднятко часто нагое, въ зимѣ босое, — для чего и случается, что большая часть дѣтей до 5-го года умираетъ, а остальные очень медленно развиваются.

Когда дитятіи шесть лѣтъ, оно, въ смыслѣ закона, одолжено посѣщати школу. Въ этотъ возрастъ дѣти еще такъ не развитыя, что удовлетворити сему требованію закона, — въ нашихъ гористыхъ, суровыхъ окрестностяхъ, гдѣ часто бываетъ снѣгъ въ одинъ метеръ, гдѣ на каждомъ шагу поточки, — физически невозможнo, — развѣ-бы дитя мати на рукахъ несла въ школу. А если вспомнимъ, что эти дѣти голыя и босыя!

Школу посѣщати препятствуется еще и тѣмъ, что 10—12-ти лѣтныя дѣти помогаютъ уже дома родителямъ въ ихъ трудахъ, — въ лѣтѣ ходять со скотомъ: овцами, козами. Въ 16—18—20-лѣтнемъ возрастѣ уже употребляются и для тягчайшаго труда, помогаютъ орати, коплють картофель и кукурузу, даже 16-тилѣтные парни косятъ и собираютъ сѣно въ стоги, что часто бываетъ по „верховинамъ“.

Когда парню 20 лѣтъ, долженъ поставиться на рекрутировку, а когда бывалъ на рекрутировкѣ трижды — въ 22-лѣтнемъ возрастѣ онъ, обыкновенно,

женится; а женятся непремѣнно всѣ, ибо остатися холостымъ считается, въ простонародыи, грѣхомъ. Дѣвушки выходятъ замужъ обыкновенно, когда имъ минаетъ 16—18 лѣтъ; а выдается каждая, если она только совсѣмъ не отвратительная и если только имѣеть кое какого теленка. Свадьбы сопровождаются многими церемоніями и стоять очень дорого; эти, часто недѣлю длящіяся церемоніи, часто разоряютъ цѣлое семейство; но къ нимъ наши люди такъ привыкли, что безъ нихъ обойтися не могутъ. Разумѣется, что съ нихъ наибольше пользы имѣютъ евреи — за водку.

Мужескій возрастъ проводятъ наши крестьяне въ неимовѣрныхъ трудахъ и лишеніяхъ: обрабатываютъ и свои земли, и барскія, и приходскіе священника и еврейскія, — да ходятъ на заробки, особенно на жнива, и на мадьярское подолье. При этихъ трудахъ кормятся они очень дурно: мяса никогда не кушаютъ, а молоко есть только у заможнѣйшихъ. Живутъ на картофели, росолѣ, кукурузѣ, а по верховинамъ на овсяныхъ сухаряхъ. Мужъ всегда повелеваетъ женѣ своей и считаетъ своимъ правомъ бить ее.

Кое-гдѣ еще въ модѣ патріархальная жизнь. Отецъ живетъ вмѣстѣ со своими сыновьями и повелеваетъ всей семьѣ; но часто случается, что не могутъ жить мирно, особенно свекры съ невѣстками, и тогда дѣлятся.

Старые дѣдушки и бабушки въ семьяхъ обыкновенно сокотятъ домъ и внуковъ и тихонько приготовляются къ блаженной кончинѣ; но по верховинамъ старики и старухи настолько извиняются слабостью, что, особенно въ зимѣ, перестаютъ ходити даже въ церковь. — Вотъ это нѣкоторыя черты изъ быта нашихъ крестьянъ.

(„Листокъ“, 1899, № 9, стр. 100—102.)

Домики или избы угро-русскихъ крестьянъ.

Избу свою строить нашъ угро-руссъ обыкновенно самъ и строить ее безъ изъятія изъ дерева. Во всей избѣ, кромѣ дерева, нѣтъ другого матерьяла. Есть такіе домики, въ которыхъ во всемъ зданіи не найдешь даже желѣзного гвоздя. Срубъ деревянный; верхъ: рога, латы (решетина), банты (связи) сбиваются деревянными гвоздями; крюки на дверяхъ и на окнахъ, — замки — все изъ дерева. Нашъ крестьянинъ научился такъ сооружати свою избушку, чтобы онъ все могъ сготовити самъ, чтобы не нуждался ни въ чьей помощи. Онъ и не нуждается; — кромѣ стекла (скла), которое самъ сготовити не можетъ, проче все, что необходимо для постройки, готовить онъ самъ и не выдаетъ мастеру ни одного гроша. Но хотя мужикъ и самъ сооружаетъ свой домъ, хотя онъ и не любить выдавать денегъ на постройку, однако безъ того обойтися не можетъ, чтобы не попросить своихъ сосѣдовъ, своихъ добрыхъ людей, дабы помогли ему. И они помогаютъ. Когда нужно возити дерево для сруба, для вѣнцовъ, для роговъ и латъ, — сосѣды и добрые люди приходятъ, помогутъ привезти дерево, составити срубъ, поставити рога, даже просверлити и прибити деревянными гвоздями (колками) латы и проч., только чтобы при всемъ этомъ было достаточно паленки (водки). И хозяинъ купуетъ водку и пьетъ самъ, и пьють и добрые люди, помогшіе соорудити домъ. Изъ всего этого выходитъ, что избушка составится плохая, неомытая, а иждивеній израсходуется, однако, много, часто и больше, чѣмъ сколько-бы нужно дати порядочнымъ мастерамъ, которые соорудили бы домъ, какъ слѣдуетъ. Изъ всей постройки имѣютъ ребахъ

одни евреи, которые и нашъ народъ пріучили къ такой мысли, чтобы всѣ нужды свои выполнять съ помощью водки.

Сготовленная такимъ образомъ избушка со-
стоитъ изъ сѣней, нальво отъ которыхъ ведеть
дверь въ комору, а изъ коморы на чердакъ; направо
изъ сѣней есть другая дверь, которою можно всту-
пiti въ самую избу. Въ избѣ находится огромная
печь, изъ глины, и занимающая четвертую часть
всей избы. Около печи находятся лежанки (лавицы),
чтобъ было гдѣ сѣсти, даже полежати членамъ
семейства. Зимою и самая печь — любимое мѣсто
для отдыха, и въ „кочергахъ“ часто видишь русыя
головки ребятишекъ. Въ этой печи разводится огонь,
въ ней варятъ, печутъ хлѣбъ, ею согрѣваютъ зимою
избу. У печи дымной трубы не имѣется; дымъ сквозь
„цѣвку“ такъ и валить на чердакъ. По верхомиамъ
кое-гдѣ есть еще и „дымянки“, въ которыхъ верхняя
половина избы переполнена дымомъ. Пожары, однако,
на Подкарпатью большая рѣдкость. Кромѣ этой
огромной печи, находится въ избѣ столъ; это въ
нѣкоторомъ родѣ священный предметъ, о которомъ
всякому должно отзыватися съ почестю. Кромѣ
стола — одна-двѣ кровати, колыбель, висящая на
гужахъ надъ кроватью, — гряди, находящіяся подъ
потолкомъ и нагруженныя разною посудою и одѣжью
и одна-двѣ скамейки составляютъ всю домашнюю
утварь.

Очень желательно было бы, чтобы избы нашихъ
крестьянъ готовились умѣлыми людьми; чтобы при
постройкѣ главную роль не играла паленка, чтобы
срубъ былъ повыше, а окна побольше, чтобы окна,
двери готовились, какъ слѣдуетъ, а въ избѣ чтобы
было побольше опрятности.

Изы готовятся все еще на давній ладъ; только что, при скудости материала, днесь они о много меньши, уже и ниже, чѣмъ прежде бывали. И въ этомъ отношеніи замѣтенъ у насъ регрессъ.

(„Листокъ“, 1889. № 10, стр. 112—113.)

Какъ исполняетъ свои весенныя работы угро-русскій народъ?

Угро-руссъ всего ожидаетъ отъ земли, отъ той истощалой, неплодородной земли, на которой онъ живеть, и которую отъ вѣковъ перерываетъ, и которая ему лишь только платить, что можетъ кое-какъ нищенски прокормитися со своимъ семействомъ. Уже въ зимѣ думаетъ бѣдный угро-руссъ о томъ, какъ онъ будетъ „ярьовати“: какъ будетъ исполняти свои весенныя работы. Для того раздумываетъ — съ кѣмъ-бы спрячися, ибо такихъ очень немного, которые собственною силою могли-бы поорати свои земли. Народъ обѣднѣлый — не имѣетъ достаточно скота, а почва, особенно въ горахъ, камянистая, тяжелая, такъ что непремѣнно должно четыре, даже шесть воловъ впряженіи въ плугъ. — Въ началѣ поста (въ первый понедѣльникъ четыредесятницы) и рѣшается та задача, кто съ кѣмъ долженъ спрятатися. Это особенно по „верхорѣнамъ“ торжественный день. Почти всѣ жители селенія сходятся — увы — въ корчму, такъ какъ это единственное общественное мѣсто въ селѣ на Подкарпатію, и здѣсь при паленкѣ рѣшается этотъ важный вопросъ. Очень полезно было-бы всѣми силами дѣйствовать, чтобы народъ для совѣщаній выбиралъ другое почченное

мѣсто, а не схаживался въ корчму. А еще въ великий постъ !

Черезъ великий постъ народъ возить навозъ (гной) на свои тощія земли. Убогимъ, не имѣющимъ своего рабочаго скота, охотно взять заможнѣйшіе; но при семъ тоже не миновати водки. Убогій, облагодѣтельствованный, непремѣнно долженъ угостити своего благодѣтеля водкой . . .

Первая весенная работа — это (под)готовленіе разсадниковъ и сѣяніе разсады — капусты. Разсадники готовятъ угро-руssы обыкновенно на новинѣ. Гдѣ-то выбираютъ удобное мѣсто, перекапываютъ, палятъ, чтобы предохранити отъ сорныхъ травъ и въ день 40 мучениковъ сѣютъ разсаду, которую обыкновенно покупаютъ отъ Хировскихъ разносчиковъ.

Такъ какъ у насъ народу размножилось, а земли очень не много, то въ чась приближенія весны очень многіе ищутъ получить землю въ аренду. Характеристично, что угро-руssъ очень охотно занимаетъ землю, а свою собственную оставляетъ, чтобы заросла кустарникомъ. Это оттого, ибо свои земли истощали и нечѣмъ ихъ удобрить, а на новинѣ хлѣбъ всегда рождается лучше.

Прежде всего сѣютъ у насъ — рожь и овесь, послѣ — картофель, кукурузу, послѣ чего садятъ „пасулю“ (фасоль) и капусту и, наконецъ, сѣютъ конопли. Ораніе идетъ очень затруднительно. — На „верховинѣ“ въ одинъ плугъ вирягаютъ по шесть быковъ, къ чему требуется до трехъ-четырехъ рабочихъ. Плуги по большей части деревянные, для чего орутъ землю затруднительно. Убогіе люди обыкновенно прикалываютъ рожь, овесь, ячмень, боръ, кукурузу мотыкоj, часто на такихъ крутизнахъ, съ которыхъ одинъ проливный дождь весь

трудъ ихъ снесеть къ подошвѣ горы. Кукуруза, обыкновенно, съется, но часто случается на тощей почвѣ ее садять съ навозомъ. Картофель тоже садятъ: мотыкой подкапываютъ ямочки, въ эти ямочки кладутъ навозъ, верхъ него картофель и уже такъ прикрываютъ землей. Картофель на многихъ местахъ отъ самой весны сторожатъ предъ дикими свиньями, а часто случается, что эти звѣри, несмотря на стороженіе, выроютъ посаженный картофель и тѣмъ лишаютъ бѣдняка на весь годъ хлѣба. Капусту садять тоже въ ящики съ навозомъ, а конопли сѣютъ въ хорошо удобренную землю. Все это очень примитивно, для чего не должно удивляться, что и урожай, по большей части очень ничтоженъ. По верховинамъ овесь даетъ по одному колосу, а другія сѣмена по три, четыре колосы. Великая пора, чтобы обратить больше вниманія на наше сельское хозяйство. Конечно, наставленія можетъ ожидать нашъ народъ только отъ своихъ пастырей.

(„Листокъ”, Угваръ. 1889, № 8, стр. 88—89.)

Сѣнокосы угроруссовъ.

Когда нашъ трудолюбивый людъ снялъ золотистый хлѣбъ на равнинахъ угорского подолья, возвращается онъ домой, въ свои тѣнистые долины. Вымершія было угрорусскія селенія снова зашумятъ, снова церкви наполнятся молящимся народомъ, снова гласить веселая бесѣда по улицамъ селеній и раздаются напѣвы новыхъ, до сихъ поръ еще не слышанныхъ, самимъ же народомъ импровизованныхъ пѣсенъ.

Но пора уже заняться приготовлениемъ какой-то зимули для скота, вѣль уже тутъ и пророкъ Илья, а скошены еще только огороды, гдѣ есть надежда получить отаву. И населеніе выбирается въ пестрые луги и въ прохладныя рощи. Уже „зори“ (разсвѣтъ) оглашаются клепаньемъ кость и дюжіе мужчины отъ самаго разсвѣта поваливаютъ передъ собою росистую траву. „Въ обѣды“ (около восьмого часа утра) приходятъ и хозяйки и дѣвушки, приносятъ кушанье и сейчасъ займутся вилами оберти накошенные „валы“ (ряды). Только что началась эта работа, — живописныя долины и тѣнистыя рощи вдругъ оглашаются веселыми народными пѣснями. Трава сохнетъ, воздухъ преисполненъ благовоніемъ, а сердце такъ и пышетъ отъ созерцанія той красоты, которую Богъ пролялъ въ природу. Около полудня труждающіеся посыдаютъ гдѣ то въ тѣни шелестнаго дерева немножко пополуднati, а послѣ ложатся отдохнути, чтобы освѣжити утомленные свои уды для дальнаго труда. При чёмъ трава продолжаетъ сохнуть и наполняти воздухъ благовоніемъ. На часъ замолкнутъ пѣсни и по всѣмъ долинамъ, лугамъ и рощамъ воцаряется мертвая тишина. Но часъ прошелъ и раздается стукъ молотка, сначала на одномъ мѣстѣ — вдругъ з начинаетъ слышатися тотъ-же стукъ съ каждого боку. Косы клеплются, чтобы валилась передъ ними трава до вечера. Опять раздались пѣсни: женушки и дѣвицы принялись за работу, начали сгрѣбати сѣно въ „варцабы“. Но чу ! раздалися слегка раскаты грома. Весь народъ усиливаетъ работу: мужчины бросаютъ косы и берутся за вилы и изъ „варцабъ“ моментально дѣлаются „navilki“ (концы). Когда сѣно находится въ навилкахъ, уже никто не боится дождя. Кто намочилъ — говорить обыкновенно — тотъ и высушить. Сухie навилки

сношаются на ношахъ на способное, возвышенное мѣсто, гдѣ вбивается въ землю „островка“, стелятся около ней вѣти (вудмище), чтобы сѣно не гнило отъ земли, и мечутся „копицы“ (стоги). — Если-же дождь препятствовалъ собрати въ „навилки“ сухое сѣно, тогда навилки вновь раstryясываются, недосохшее сѣно высушивается и такъ кладется въ стоги.

Немножко позже, обыкновенно въ „постокѣ“ (постъ къ Успѣнію), зачинаются сѣнокосы въ горахъ. Народъ выходитъ въ „верхи“, тамъ трудится, тамъ и ночуетъ; нѣкоторые идутъ со всѣмъ семействомъ, даже замыкаютъ свои хижины. — Горы и лѣса наполняются шумомъ и весельемъ, стукомъ молотка, бряцаніемъ и визгомъ косы, раздаются пѣсни и бесѣды: дебри, рощи и лѣса оживаютъ. Работа продолжается и кончается своимъ обыкновеннымъ образомъ — Сѣнокосы продолжаются до поздней осени; когда кончится работа съ сѣномъ, начинается кошеніе отавы. Обработка сѣна, конечно, самая важная на Подкарпатью, поелику въ нашихъ гористыхъ, неплодородныхъ странахъ главную роль должно-бы играть скотоводство. Но увы, днесъ и сѣна у насъ очень немного и въ пастбищахъ чувствуется большой недостатокъ. Особенно сего года съ ужасомъ смотримъ на приближающуюся зиму. По причинѣ посуши сѣна почти нѣть.

(„Листокъ“, 1899, № 13—14, стр. 151—152.)

Оглавленіе.

	Стр,
Александъ А. Митракъ	5
На смерть Андрея Медвецкаго	11
На Верховинѣ	13
Путевыя впечатлѣнія на Верховинѣ	14
Домашній бытъ угро-русскаго крестьянина . . .	22
Домики или избы угро-русскихъ крестьянъ . . .	25
Какъ исполняетъ свои весенныя работы угро- русскій народъ	27
Сѣнокосы угро-руссовъ	29

Печатня и издаельство **УНІО — Георгій Миравчикъ**

Унгваръ-Ужгородъ, пл. Сечени 8.
(Ungvár, Széchenyi-tér 8.)

желая дать возможность сынамъ угрорусского народа и особенно угрорусской молодежи познакомиться съ произведеніями лучшихъ писателей своего народа, приступила къ изданію „УГРОРУССКОЙ ДЕШЕВОЙ БИБЛІОТЕКИ“. Каждое число сего изданія будетъ совершенно закончено и въ общей серіи книжекъ составить полное и научное представлениe о культурно-национальномъ творчествѣ угрорусского народа.

Вышли изъ печати и продаются:

1. А. В. Дужновичъ: Избранныя сочиненія, стихи и проза. Цѣна 80 филл.
2. А. И. Павловичъ: Избранныя сочиненія, стихи и проза. Цѣна 80 филл.
3. А. А. Митракъ: Избранныя сочиненія, стихи и проза. Цѣна 70 филл.
4. Е. А. Фенцикъ: Избранныя сочиненія, стихи и проза. (Въ печати).
5. А. И. Сильвай: Избранныя сочиненія, стихи и проза. (Въ печати).
6. Ю. И. Ставровскій-Попрадовъ: Избранныя сочиненія, стихи и проза. (Готовится).
7. Тройка. Стихи Д. В. Лазаря, В. Б. Діянича и Г. Ю. Качія. Цѣна 60 филл.

Каждый выпускъ украшень портретомъ писателя и краткимъ критико-біографическимъ очеркомъ. Каждый выпускъ содержить отъ 32 до 64 стр. и цѣною своею доступенъ для покупки каждому. — При массовой выпискѣ **скидка отъ 10 до 20 %**, въ зависимости отъ количества.